

БОЛЕЗНЕННАЯ ТЕМА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПАМЯТЬ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

В статье анализируется традиция воспоминания/забывания о сексуальном насилии в годы Второй мировой войны в Германии и России, а также возможные пути исследовать эту болезненную тему в настоящее время. На этом пути историкам приходится преодолевать как сопротивление общества, так и собственные стереотипы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, сексуальное насилие, историческая память.

THE PAINFUL QUESTION OF THE SECOND WORLD WAR'S HISTORY: REMEMBERING SEXUAL VIOLENCE IN RUSSIA AND GERMANY.

An analysis of the past through the prism of sexual experience produces emotionally charged memories, which only foster passionate responses but hinder a scholarly approach. The danger of such a one-sided position is obvious for the international scholarly community, and historians are aware that in studying this topic they must overcome not only social opposition but also their own preconceptions. This article analyzes German and Russian traditions of memory (and amnesia) in relation to rape, and proposes ways in which this painful question can be addressed at present.

Key words: World war two, sexual violence, rape, historical memory

Для исследования события такого масштаба как Вторая мировая война тема сексуального насилия может показаться маргинальной. Однако в последнее десятилетие она стала предметом активного обсуждения в европейских средствах массовой информации. Описания жутких сцен массовых изнасилований и других страданий мирного населения Германии в период оккупации является частью достаточно нового дискурса виктимизации немецкого народа. Российские средства массовой информации, со своей стороны, продолжают старую советскую традицию стыдливого замалчивания вопросов сексуального насилия. Общий настрой рунета и крайне редких информационных публикаций на эту тему можно

охарактеризовать как реакцию психологической защиты в диапазоне от недоумения до крайней агрессии.

Опасность, стоящая за такими эмоционально нагруженными подходами, очевидна для международного научного сообщества. Перемещение «места памяти» Второй мировой войны на эту «больную мозоль» в таком разрезе не способствует ни взаимопониманию между странами участницами, ни приросту знания. Показательным примером тому может служить болезненная реакция Рунета на отрывок, из переводной статьи немецкого журнала «Шпигель», в котором говорилось об особой жестокости оккупационных войск и о том, что «в последние месяцы войны было изнасиловано почти 2 миллиона немок — женщин и девочек; многие из них неоднократно»¹.

«Шпигель» поднял эту тему в связи с выходом на экраны в 2008 г. польско-немецкого фильма «Безымянная — одна женщина в Берлине», рассказывающего историю молодой немецкой девушки, неоднократно изнасилованной и решившейся на сожительство с советским офицером, чтобы защитить себя от сексуальных домогательств советских солдат. В современном мире, где люди больше смотрят телевизор, чем читают, подобные картины способны ударить в голову неподготовленному зрителю как вино трезвеннику.

Несмотря на всю болезненность и сложность для изучения темы сексуального насилия во время Второй мировой войны, монографические исследования по этому вопросу начали появляться уже в 1970-е гг.² Сами воспоминания женщины, легшие в основу фильма, были опубликованы в 1954 г. на английском языке, а в 1959 г. — на немецком³. Тогда они не встретили ажитации со стороны немецкой публики и, даже наоборот, получили негативную оценку. После смерти автора в 2001 г. ее воспоминания были переизданы и — вдруг стали бестселлером. Это говорит

о перемене настроения европейского сообщества и о появлении новых точек «коммеморации»⁴ в отношении Второй мировой войны.

Одна из крупнейших исследовательниц темы сексуального насилия на Восточном фронте немецкий историк Регина Мюлхойзер характеризует общую тенденцию немецких масс-медиа так:

В противовес замалчиванию сексуальных преступлений Вермахта, которые по сей день остаются весьма малоизученными, изнасилования, совершенные советскими солдатами, постоянно являются предметом медийных скандалов. Нарастание этой тенденции можно проследить, начиная с фильма Барбары Йор и Хельки Сандер «Освободители и освобожденные» (1992), за которым последовало переиздание воспоминаний «Безымянная – одна женщина в Берлине» в 2003 году и двухсерийного телевизионного фильма немецкого канала ЦДФ «Бегство» (2007)⁵.

Авторы упомянутых медийных проектов называют своей главной целью разбить табу и, наконец, открыто заговорить о сексуальном насилии по отношению к населению Германии. В упомянутой статье журнала «Шпигель» главным научным референтом выступил Филипп Куверт – немецкий психиатр из университета Грайфсвальда. Журнал ссылается также на опыт практикующего врача Моники Хаузер, которая помогала женщинам и девочкам, пострадавшим от сексуального насилия в зонах конфликтов. Оба доктора высказали надежду, что женщины, посмотревшие фильм, вспомнят о своем вытесненном опыте сексуального насилия во время войны и обратятся к ним за помощью⁶. В интервью журналу «Шпигель» Филипп Куверт особенно подчеркивал:

С научной точки зрения неважно, идет ли речь о русском солдате в Германии или о немецком в СССР. Мы поддерживаем контакты с учеными, ведущими такую же работу в Восточной Европе, – в украинском городе Донецке и Санкт-Петербурге. Так что мы изучаем вопрос не только с немецкой точки зрения⁷.

При благих намерениях врачей-психиатров, их выступления предоставили «научную основу» для тиражируемого средствами массовой информации нового сценария воспоминаний о Второй мировой войне, в

котором изнасилования немецких женщин занимают ключевое место. Это для психиатра может быть не важно, идет ли речь о русских солдатах в Германии, о немецких – в СССР или о сербских – в Боснии (в массовом порядке насильствовавших мусульманских женщин), но это важно для памяти современного человека об исторических событиях. Потому что здесь, как заметила проф. колумбийского университета Атина Гроссманн, *изнасилование есть в данном контексте не просто изнасилование, оно здесь вписано в определенный исторический контекст*⁸. Поэтому, по ее мнению, здесь неуместно вести описание события с точки зрения жертвы, для которой это событие является частью только ее частной драмы. Необходимо рассматривать и весь исторический контекст, как это делает, например, Регина Мюлхойер, которая выделяет три позиции в восприятии изнасилований немецких женщин во время войны:

1. Ревизионистская позиция: массовые изнасилования немецких женщин советскими солдатами подтверждают неизбежность войны Германии с «нецивилизованным» Советским союзом.
2. Умеренная позиция, не прославляющая войну Германии, но открывающая «черный ход» восприятию ее как пассивной невинной жертвы – по аналогии с изнасилованной женщиной.
3. Позиция наивного феминизма, исходящего из универсальной патриархальной модели: женщина всегда, особенно на войне, может стать жертвой изнасилования мужчиной. По мнению автора, эта позиция выдергивает изнасилования женщин солдатами советских оккупационных войск из контекста войны. При этом забывают тот факт, что многие женщины также были членами нацистских организаций и участвовали в преступлениях; следовательно, они не могут рассматриваться как «пассивные» жертвы⁹.

Историкам очевидна опасность перелицовки воспоминаний о Второй мировой войне через призму эмоционально нагруженной картины изнасилований. Например, Ханнес Хер, дал своей книге, вышедшей в 2004 году, характерное название: «Замалчивая преступления. Война массового уничтожения (*Vernichtungskrieg*) имела место, но никто в ней не участвовал»¹⁰. Не углубляясь во все споры об исследовании Ханса Хера¹¹, здесь важно отметить только то, что провокационное название книги метит в доминирующий тренд изучения страданий немецкого мирного населения в годы войны. Начиная с 1990-х гг., все больше книг и передач в Германии посвящается так называемому *Bombenkrieg* – разрушению немецких городов в конце войны. Их авторы охотно говорят также о мародерстве оккупационных войск, об изгнании мирного немецкого населения из Прибалтики и с территории нынешней Польши, о страданиях немцев в послевоенные годы¹².

В попытке сформировать дискурс Второй мировой войны, в рамках которого можно было бы говорить о «больных темах» без того, чтобы способствовать накалу страстей, немецкие историки осторожно обратились к изучению насилия, совершенного немецкими войсками на оккупированных территориях. Например, Ханс-Хайнрих Нольте предлагает идти путем сравнения русского и немецкого опыта¹³. Эту же позицию, хотя и из других соображений, поддерживает отечественный историк Геннадий Бордюгов¹⁴. Научное изучение темы сексуального насилия во время Второй мировой войны, в любом случае, должно включать активные исследования обеих сторон фронта.

В русском обществе движущей силой этого сравнения стало, как кажется, исключительно задетое за живое чувство: «они тоже у нас творили безобразия, посмотрите на материалы Нюрнбергского процесса!». Нольте обосновывает это сравнение недостаточной источниковой базой: проведенный им в 1999 г. опрос советских женщин, переживших

концентрационный лагерь Берген-Белзен (в районе Днепропетровска), натолкнулся на нежелание этих женщин (в отличие от немецких) отвечать на вопросы. Отсутствие исследований по проблеме сексуального насилия на Восточном фронте долгое время объяснялось тем, что подобная тема не поддается изучению¹⁵.

Историк Регина Мюльхойзер усмотрела в этом отказе более нежелание историков трогать болезненную тему, чем отсутствие источников ее научного изучения. Тема сексуальных отношений оказалась одной из центральных в дневниковых записях на фронте как у советских, так и у немецких офицеров и солдат¹⁶, при этом некоторые из этих воспоминаний давно опубликованы. Недавняя монография Регины Мюльхойзер «Сексуальное насилие и интимные отношения немецких солдат на территории Советского союза в 1941 – 1945 годах» опирается на фронтовые записки солдат, их письма с фронта, свидетельства очевидцев, а также использует корреспонденцию различных ведомств (в том числе и полевых судов Вермахта)¹⁷.

В качестве ответа на раскручивание темы изнасилования немецких женщин, Регина Мюльхаузер считает абсолютно необходимой открытую дискуссию по вопросу о сексуальном насилии, причиненном представителями Вермахта, СС и Полиции на оккупированных территориях Восточной Европы. Недавно вышло несколько работ, выявляющих главные белые пятна и намечающих направление дальнейшего анализа этой темы¹⁸. Немецкий журнал «Шпигель», опубликовавший в 2008 г. статью о фильме «Неизвестная – одна женщина в Берлине», в марте 2010 г. напечатал выдержки из книги Регины Мюльхойзер, а также и рецензию на книгу Регины Мюльхойзер, в которой информация из статьи Шпигеля за 2008 год о 2 милл. изнасилованных немецких женщинах была названа явным преувеличением¹⁹.

Точное число жертв изнасилований русских женщин так же невозможно определить, как и число жертв конца войны в Восточной Пруссии. В любом случае эти цифры ничего не доказывают. Главным посылом книги Регины Мюлхойзер является развенчание мифа о «чистом» Вермахте, который, в отличие от формирований СС, не запятнал себя какими-либо насильственными действиями по отношению к мирному населению.

Сам факт существования подобного мифа кажется немыслимым для человека, выросшего в Советском союзе. Так, я была потрясена до глубины души, когда моя немецкая подруга и студентка исторического факультета высказала возмущение тем, что русские партизаны «стреляли в спину ни в чем неповинным немецким юношам – солдатам Вермахта, которых правительство послало на войну». Она не была правой экстремистской, но судила о войне на основе той памяти о прошлом, которая по-разному формировалась в Германии и бывшем Советском союзе, в ФРГ и ГДР. В Западной Германии из памяти о войне были вытеснены нацистские преступления на восточном фронте. Кристина Морино пишет:

Оба самых страшных и тесно взаимосвязанных преступления нацизма – холокост и военная кампания на восточном фронте – получили различное развитие в памяти о войне в ФРГ и ГДР. Если в Западной Германии воспоминания о преступлениях нацизма концентрировались на уничтожении евреев, то официальная память о войне в ГДР формировалась вокруг нападения Германии на Советский союз²⁰.

По мнению Кристины Мориной, это можно записать, прежде всего, на счет Холодной войны. В дискурсе этой войны Советский союз был представлен в качестве главной угрозы для Запада – угрозы коммунизма. К этому подключался еще и цивилизаторский (колониальный) дискурс – «борьба западного цивилизованного общества с опасными варварами». Все

это сделало возможным утверждение мифа о чистом Вермахте, «старательно пестуемого средним классом в Западной Германии»²¹.

Только в 1980-е гг. в ФРГ начали открыто говорить о «войне на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*). В 1987 г. в газете «Цайт» была опубликована статья Вольфрама Ветте «Ограбить, разрушить, уничтожить. Бремя 1941 года. Поход против Советского союза был с самого начала войной направленной на разграбление и уничтожение»²². Затем последовало несколько конференций и исследований преступлений нацизма на Восточном фронте. В итоге термин *Vernichtungskrieg* прочно утвердился в немецкой историографии нацизма²³.

Как показала Элизабет Хайнеман, тема сексуального насилия была использована в дискурсе Холодной войны для того, чтобы подчеркнуть размежевание Запада с Советским союзом²⁴. Массовые изнасилования свидетельствуют о менталитете, который для европейского человека представляется чем-то чужим и диким. Официальный дискурс Холодной войны приписывал советским войскам этот «азиатский» менталитет, сводящий женщину до функции «заслуженного приза победителя». Поскольку в составе советских войск были представители азиатских народов, то миф о нарушении ими европейских норм поведения выглядел в глазах немцев вполне убедительным. Изнасилованные женщины функционируют в этом дискурсе как действенная метафора страданий всего немецкого народа²⁵.

В погоне за сенсацией в прессе тема сексуального насилия во время Второй мировой войны выглядит только сейчас вышедшей на поверхность, что, однако, легко опровергается исследовательской литературой. Сразу после окончания войны эта тема совершенно не замалчивалась. Как подробно показывает в своей статье Атина Гроссманн, в первые месяцы советской оккупации немецкие женщины говорили об этом не только в своих дневниках и воспоминаниях, но и открыто обсуждали в очередях за

водой, разрабатывая стратегии поведения, которые помогли бы им избежать насилия. Еще до вступления советских войск в Берлин они были подготовлены нацистской пропагандой к вступлению советских войск, которых ожидали как дикие орды Чингиз-хана, уничтожающие все на своем пути. Этот образ дикого «монгола» использовался нацистами в качестве жупела, заставлявшего население бороться и после того, как война была уже очевидно проиграна²⁶.

Как отмечает профессор Гроссманн, население Германии ожидало ответной мести того же масштаба²⁷. Подтверждением этого для них были призывы Ильи Эренбурга «убей немца» или статьи из «Правды» от 14 апреля 1945 г. Несложно представить, как такие призывы действовали на советских солдат, навидавшихся за период войны сожженных деревень, убитых и замученных соотечественников и родственников. Из мемуарной литературы известно о том, какой пустынной и запуганной застали Германию советские офицеры²⁸. Немецкое население, встретившись с неизбежными грабежами или насилием, еще больше уверовало в миф об «азиатских ордах». Однако картины страданий немецких детей и женщин, а также команды из центра постепенно остудили мстительный пыл советских войск. «Горе Германии, заслуженное горе, прошло перед моими глазами, и я поклялся себе не обидеть жены и дитяти врага своего», — написал в своем военном дневнике Давид Самойлов²⁹.

Постепенно немецкое население научилось приспосабливаться к оккупационным войскам и договариваться с ними. Сексуальные отношения между советскими солдатами/офицерами и немецкими женщинами приобрели разные стороны: это было и прямое насилие, и сожительство из прагматических соображений, и романтические увлечения. Владимир Натанович Гельфанд писал в своем дневнике об ухаживаниях за немецкой девушкой, поощряемых ее матерью, поскольку и «половины этих продуктов достаточно, чтобы иметь полнейшее основание

и право что угодно творить с дочерью на глазах матери, и та ничего не скажет против»³⁰. По мнению Атины Гроссманн, сексуальное насилие в первые месяцы оккупации приравнивалось немецким населением к неминуемым последствиям войны. Опыт пережитого изнасилования во время оккупации не воспринимался как постыдный, но он стал таковым, когда мужчины вернулись с фронта³¹.

Сексуальное насилие немецких войск над мирным населением Советского союза также не скрывалось, и в первое время после освобождения оно было темой для обсуждения. В материалах Нюрнбергского процесса сохранились показания женщин, ставших свидетельницами изнасилований. Вот пример одного из них:

Шестнадцатилетнюю Л.И. Мечникову солдаты увели по приказу офицера Хуммера в лес, где они ее изнасиловали. Через некоторое время другие женщины, которых тоже завели в лес, увидели на дереве доски, к которым было прибито тело Мечниковой. На глазах женщин немцы отрезали у нее грудь³².

Сексуальное насилие рассматривалось как часть массовых преступлений нацистов на территории Советского союза; оно стало замалчиваться, также как и в Германии, уже после возвращения мужчин с войны.

Этот механизм хорошо показан в фильме «Бабье царство» (СССР, 1967). В самом начале фильма немецкий солдат пытается изнасиловать Дуняшу – девочку лет 15-ти. Одна из женщин, Настя Петренко, бросает себя «как кусок мяса» немецкому солдату, чтобы спасти девочку, которая иначе потом «непременно удавится». В «бабьем царстве» поступок Насти не оборачивается позором, и она сама была в состоянии жить с этим болезненным опытом до тех пор, пока вернувшийся с фронта влюбленный в нее Костя Лубенцов не бросает ее, узнав о ее связи с немцем. Только тогда пережитый опыт становится для Насти «хуже смерти», и она пытается покончить жизнь самоубийством.

В послевоенный период вновь выстраивается патриархальное общество, и в этом контексте сексуальное насилие, пережитое женщинами, становится проблемой для мужчин. Страдания женщин выступают здесь как латентное обвинение мужчин, не сумевших защитить свои дома. «Вы нас немцам в добычу оставили», – говорит одна из героинь фильма «Бабье царство». Поэтому в Советском Союзе тема сексуального насилия надолго вытесняется из официального дискурса; она только ненадолго вновь появляется в короткий период оттепели и перестройки, на волне переосмысления страданий, которые война приносит «простому человеку».

В Германии 1950-х гг. изнасилования тоже переживают период табуизации. Но с развитием феминистических исследований в 1960 – 1970 гг. в центр изучения ставится немецкая женщина как жертва войны, что, в конечном счете, переносится и на весь народ³³. После падения Берлинской стены в 1989 г. эта тема усиленно зазвучала в немецких СМИ, способствуя утверждению дискурса «немецкий народ – жертва Третьего рейха».

Таким образом, тема преступлений Вермахта на территории Советского союза нуждается в изучении не только в качестве противовеса кампании европейских СМИ, но и для того, чтобы снять с нее идеологический груз (или, по крайней мере, значительно облегчить его). Наибольший успех такая работа может иметь при международной кооперации ученых в деле освещения темных страниц совместного прошлого.

Примечания

1

См.: Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны (“Der Spiegel”). В Германии изучают психологические травмы от изнасилований шестидесятилетней давности. URL: // <http://www.inosmi.ru/panorama/20081024/244888.html> (Дата обращения - 5.01.2011)

² *Brownmiller Susan*. Against our Will: Man, Woman and Rape. New York: Fawcett Columbine 1976. 472 p.

³ Eine Frau in Berlin. Tagebuchaufzeichnungen. Genf ; Frankfurt : Kossodo, 1959. 296 s.

⁴ «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события,... служит выражением солидарности группы». См.: *Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М.* Франция – Память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: СПб. ун-т, 1999. С.95

5

Mühlhäuser Regina. Konkurrierende Erzählungen zu sexueller Gewalt im Zweiten Weltkrieg, in DDR, Bundesrepublik und nach 1989. In: Phase 2. URL: // <http://phase2.nadir.org/rechts.php?artikel=576&print> (Дата обращения - 5.01.2011)

6

Studie zu sexualisierter Kriegsgewalt des 2. Weltkrieges startet an Universität Greifswald. Pressemitteilung. URL: // <http://idw-online.de/pages/de/news284259> (Дата обращения - 5.01.2011)

7

См.: Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны...

⁸ *Grossmann Atina*. Eine Frage des Schweigens? Die Vergewaltigung deutsche Frauen durch Besatzungssoldaten // Sozialwissenschaftliche Informationen. 24 (1995). H. 2. S. 112. Оригинал этой на шумевшей в научном мире статьи см. в издании: *Grossmann Atina*. A Question of Silence. The Rape of German Woman by Occupation Soldiers // October. Heft 72. 1995. P. 42–63.

⁹ См.: *Mühlhäuser R.* Konkurrierende Erzählungen ...

¹⁰ *Heer H.* Vom Verschwinden der Täter: Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. Berlin, 2004. *Morina C.* Vernichtungskrieg, Kalter Krieg und politisches Gedächtnis: Zum Umgang mit dem Krieg gegen die Sowjetunion im geteilten Deutschland // Geschichte und Gesellschaft 34. Jahrg., H. 2 (Apr. – Jun.). 2008. P. 252–291.

¹¹ Dirk Rupnow über Heer, Hannes: Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei. Berlin 2004. In: H-Soz-u-Kult 1.06.2004. URL: // <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2004-2-144> (Дата обращения - 5.01.2011)

¹² См. например: *Niven B. (Ed.)* Germans as Victims. Remembering the Past in Contemporary Germany. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006. 292 p.

¹³ *Nolte H.-H.* Vergewaltigungen durch Deutsche im Russlandfeldzug. In: Zeitschrift für Weltgeschichte. 2009. H. 1. 2009. S. 113–133. Здесь S.129.

¹⁴ Вермахт и РККА против мирного населения. URL: // <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/572480-echo/> (Дата обращения - 5.01.2011)

¹⁵ См. Например: *Naimark N.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945 –1949. Cambridge, 1995. P. 85.

¹⁶ Олег Будницкий анализирует эту тематику на примере дневниковых записей советских офицеров. См: *Budnitskii O.* The Intelligentsia Meets the Enemy. Eucated Soviet Officers in Defeated Germany // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. V.10. № 3. 2009. P. 629–682.

¹⁷ *Mühlhäuser R.* Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion, 1941 – 1945. Hamburg, 2010.

¹⁸ *Beck B.* Wehrmacht und sexuelle Gewalt. Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten 1939 – 1945; Handlungsräume. Sexuelle Gewalt durch Wehrmacht und SS in den besetzten Gebieten der Sowjetunion 1941 – 1945 // Regina Mühlhäuser, Insa Eschebach (Hg.). Krieg und Geschlecht. Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern. Berlin: Metropol, 2008. S. 167–185.

- ¹⁹ *Friedmann J.* Schlagkraft statt Sühne. Eine neue Studie untersucht die sexuellen Übergriffe deutscher Soldaten während des Krieges gegen die Sowjetunion und zerstört die Legende von der sauberen Wehrmacht // Spiegel. 22.03.2010. URL: // <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-69628953.html> (Дата обращения - 5.01.2011).
- ²⁰ *Morina C.* Vernichtungskrieg... S. 257–258.
- ²¹ *Ibid.* S. 264.
- ²² *Wette W.* Erobern, zerstören, auslösen. Die verdrängte Last von 1941. Der Russlandfeldzug war ein Raub- und Vernichtungskrieg von Anfang an // Die Zeit, 20.11.1987, S. 49 – 51.
- ²³ *Peter Jahn P., Rürup R (Hg.).* Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion, 1941 – 1945. Essays. Berlin: Argon, 1991. 256 S.
- ²⁴ *Heineman E.* The Hour of Women. Memories of Germany's Crisis Years and West German Identity // American Historical Review, 1. 1996. P. 354–394.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Grossmann A.* Op. cit. S.112.
- ²⁷ *Ibid.* S. 113.
- ²⁸ См., напр: *Гельфанд В.Н.* Дневники 1941 – 1946. URL: // http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html (Дата обращения - 5.01.2011); *Копелев Л.* Хранить вечно. М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2004. Кн.1., 412 с.; Кн.2., 429 с.
- ²⁹ *Самойлов Д.* Поденные записи. Том 1. 1934 – 1964. М.: Время, 2002. С. 209–210.
- ³⁰ *Гельфанд В.Н.* Дневники 1941 – 1946... Запись 26.10.1945.
- ³¹ *Grossmann A.* Op. cit. S. 118.
- ³² Der Prozess gegen die Hauptverbrecher von dem Internationalen Militärgerichtshof, 14.11.1945 – 01.10.1946, Band 7, München-Zürich 1984.S. 502 ff.
- ³³ *Grossmann A.* Eine Frage des Schweigens... S. 118.